Ли Му проводил остальных и вошёл в дом, где его взору предстала следующая картина.

Личики Юнь-эр слегка покраснело, он запрокинул голову и сияющими глазами смотрел на Чжун Сююаня, и во взгляде его читалось чистейшее ожидание.

Чжун Сююань, как и всегда, сидел на краю кровати, слегка опустив глаза, в расслабленной и непринуждённой позе. Его рука небрежно свисала с постели, а под ней на полу валялась горстка мелких камешков.

Заметив вошедшего Ли Му, Чжун Сююань поднял на него взгляд, проследил за его глазами до упавших на пол камней и с некоторым смущением убрал руку.

Ли Му ничего не сказал, вошёл, подхватил Юнь-эр на руки и отнёс его во дворе, передав дяде Хуну.

Ночь была уже глубокой. Обычно в это время жители деревни давно спали, и лишь из-за сегодняшней заварухи, устроенной Чжан Шулань, все еще бодрствовали.

Юнь-эр зевнул на руках у дяди Хуна, прижался щекой к его груди, и нахлынувшая сонливость тотчас сморила его — он пару раз моргнул и закрыл глаза.

Когда Ли Му вернулся в дом, камешки с пола куда-то загадочным образом исчезли.

Раздевшись, Ли Му задул свечу и снова лег на кровать.

Чжун Сююань долго затаив дыхание ждал, пока Ли Му заговорит с ним, но так и не дождался расспросов, а потому не выдержал и заговорил первым. Его холодный и слегка приглушенный голос прозвучал в темноте: — Зачем ты потакал такой женщине?

Она ведь посмела прийти и устроить бесчинства прямо у них дома, как он вообще смог стерпеть такое унижение?

Даже просто наблюдая со стороны, Чжун Сююань чувствовал, как у него всё внутри сжимается от злости. И если бы та женщина не была простой смертной, да к тому же ему не приходилось скрывать свою личность, те камешки угодили бы ей вовсе не в ноги.

При этой мысли на красивом лице Чжун Сююаня мелькнуло ледяное кровожадное намерение.

Он крайне редко выходил из себя — вовсе не из-за черствости и бездушия, а потому что, будучи генералом целой страны, был обязан уметь держать свои эмоции под контролем, ставя общие интересы выше капризов.

Но сейчас он действительно разъярился, и эта ярость вместе с жаждой убийства неудержимо выплеснулась наружу, сделав и без того объятую морозной сыростью комнату еще холоднее.

Ли Му, казалось, ничего не заметил. Он перевернулся на другой бок, поворачиваясь к Чжун Сююаню спиной: — Я пока не могу отсюда уйти.

Ему нужно было кое-кого отыскать, а человека еще не нашли.

Чжун Сююань мгновенно догадался, о чём речь, и вслед за этим осознанием по его костям разлился пронизывающий до мозга костей холод.

Верно. Причина, по которой Ли Му вернулся сюда — поиски человека.

Чжун Сюуань тоже перевернулся на другой бок, отвернувшись от Ли Му. Он изо всех сил пытался совладать с эмоциями, но под покровом жажды убийства уже бурлила и закипала горькая обида.

Чжун Сюуань кривил губы в уродливой, жалкій гримасе.Он закрыл глаза, пытаясь ни о чем не думать, но мысли не подчинялись его воле.

Проворочавшись без сна всю ночь, на следующее утро Чжун Сюуань притворился спящим, лежа в постели, и открыл глаза только после того, как Ли Му встал и вышел из комнаты.

Когда утреннее солнце разогнало изморозь, пришел Дядя Хун: за спиной у него висел пестрый заплечный коробок, а за руку он вел еще сонную, сонной и растерянную Юнь-эр.

— Присмотришь за ней ненадолго? Я быстро вернулся бы, — с некоторым смущением на лице произнес Дядя Хун.

С тех пор как Ли Му вернулся, он уже не в первый раз просил его приглядеть за Юнь-эр. Хотя их отношения были вполне неплохими, со временем все равно начинало отчасти неловко за это браться.

Но у него не было выбора: Юнь-эр была еще так мала, а жили они в глуши, где все было крайне неустроено. Обычно Дяде Хуну приходилось тащить Юнь-эр на спине даже тогда, когда он отправлялся работать в поле, а иначе — запирать ее одну дома…

Дядя Хун понимал, что поступает не лучшим образом, но как бы то ни было, сначала нужно было как-то выжить, а уже потом думать обо всем остальном.

Ли Му вовсе не находил в этом ничего плохого — Юнь-эр он очень любил.

Приняв сонную девочку из его рук и прижав к груди, он озадаченно посмотрел на Дядю Хуна, который уже вооружился бамбуковым коробом и серпом:

— А вы куда собрались?

В такое раннее время суток отправляться в поле было рановато.

— В апреле в горах должны пробиться молодые побеги бамбука. Схожу погляжу, не появятся ли свежие, надо бы добыть немного, — пояснил Дядя Хун и тут же добавил: — Попозже и тебе немного раздобуду.

Стоило Дяде Хуну упомянуть об этом, как Ли Му тут же все припомнил.

В марте и апреле бамбуковые побеги в горах давали всходы. Все, что росло само по себе в дикой природе, было доступно любому жителю деревни, поэтому в это время года многие отправлялись в горы собирать побеги и грибы.

К тому же вкус у них был поистине отменный: обжаренные отдельно, быстро обжаренные на сильном огне, высушенные на солнце или сваренные в супе, они получались невероятно нежными. От одной мысли об этом у Ли Му невольно потекли слюнки.

Ли Му тоже был не прочь поесть вкусно, а услышав слова Дяди Хуна, и вовсе загорелся этой идеей:

— Дядя Хун, подождите меня немного, я с вами.

С этими словами Ли Му отнес Юнь-эр в дальнюю комнату, откинул одеяло и уложил девочку рядом с Чжун Сююанем, после чего переоделся в одежду потеплее и вышел за дверь.

Взяв заплечный короб и прихватив серп, они вдвоем друг за другом направились в глубь диких горных лесов.

Перед самым выходом Ли Му не забыл прихватить с собой и свою небольшую корзинку с утятами.Эти утки определенно отличались от тех, что он разводил на ферме у себя дома в прошлом: здешние птицы были не столь изнеженными. Стоило им только вылупиться и пережить первые несколько дней, как их тут же выпускали на свободный выпас.

Морозная дымка еще не рассеялась, а в горах все еще держалась густая влажность.

Не прошло и много времени с начала пути, как Ли Му почувствовал, что одежда на нем промокла насквозь.

Добравшись до гор, Ли Му нашел относительно ровную поляну, высадил туда стайку уток, позволяя им самим искать пропитание повсюду, а сам вместе с Дядей Хуном углубился в чащу.

Бамбуковые побеги, за которыми они шли, отличались от обычных крупных побегов: это были не те толстые экземпляры размером с кулак, а тонкие ворсистые побеги толщиной с палец и длиной с человеческую руку.

Таких побегов в горах росло много. Крупные виды тоже встречались, но они отдавали горечью, и хотя находились любители, ели их редко.

В положенный сезон эта штука росла с невероятной скоростью, вытягиваясь за ночь на полфута в длину.

Сбор побегов требовал определенной сноровки. Дядя Хун был мастером своего дела: вкратце обобщив опыт и передав его Ли Му, они оба оставили заплечные корзины и принялись пробираться сквозь заросли.

Воспользовавшись случаем оказаться в лесу, Ли Му заодно соорудил несколько простых ловушек. Горы были полны сокровищ, и Ли Му ужасно жаждал добычи.

Будь то дикий кабан, дикая утка, фазан или заяц — ко всем существам, в чьих названиях фигурировало слово «дикий», он испытывал страстное гастрономическое желание. Выражаясь преувеличенно, он уже почти пять-шесть лет не пробовал нормальной мясной пищи, и порой у него текли слюнки при виде пролетающих в небе птиц.

Ближе к полудню, когда Ли Му выбрался из лесу, Дядя Хун уже сидел на том месте, где оставили уток, и отдыхал.

Маленькие утята были загнаны в плетеную корзину и, сидя там разморенные под лучами солнца, клевали носом.

— Насобирал столько, — Дядя Хун посмотрел на доверху набитую бамбуковыми побегами заплечную корзину Ли Му, хлопнул себя по рукам и собрался подниматься.

— Мне нужно еще раз сходить туда, — сказал Ли Му. — Проверить те ловушки.

Услышав это, Дядя Хун снова опустился на землю в ожидании.

Спустя мгновение Ли Му снова вынырнул из лесной чащи. В этот раз в его руках барахталось что-то бьющееся лапами. При виде серого пушистого зверька глаза Дяди Хуна мгновенно загорелись.

— Да это же отличная добыча! — Дядя Хун, судя по всему, тоже был не прочь полакомиться. — Парень, а удача-то тебе улыбнулась. Такого крупного зайца во всей округе, пожалуй, и не сыщешь.

Ли Му держал в руках зайца с пестрой черно-серой шерсткой, размером с небольшую дворовую собаку.

Такие зверьки водились в их горах, но отличались невероятной сообразительностью, и поймать их было непросто. Дядя Хун годами бродил по горам и не смог добыть ни единого, а вот Ли Му, на удивление, повезло.

На самом деле Ли Му и сам был изрядно удивлен. Он расставил ловушки просто ради удачи и никак не рассчитывал на реальную добычу.

Ли Му отыскал неподалеку травяную лиану, туго связал зайцу лапы, подхватил уток, закинул за спину корзину, и они вместе направились обратно в деревню.

Стоило им войти в селение с крупным жирным зайцем наперевес, как у околицы тут же стали любопытно сбегаться люди. К тому моменту, как они добрались до дома, о пойманном Ли Му зайце знал уже практически каждый.

Перешагнув через плетеную калитку, Ли Му опустил на землю заплечную корзину, отвел уток в сторону и, прихватив зайца, направился на кухню — требовалось найти что-нибудь, чтобы посадить добычу под замок и не дать ей сбежать.

Юнь-эр уже услышал шум шагов, выбежал наружу и, заметив у Ли Му в руках какую-то животину, с любопытством подбежал ближе.

— Заяц, — Ли Му взял его за руку и позволил погладить зверя по шерстке.

Хотя Юнь-эр слышал об этих созданиях, вживую он их еще не видел. Стоило ему коснуться заячьей шкурки, как он наотрез отказался уходить.

Ли Му позволил мальчику возиться со зверьком, а сам вышел во двор.

В этот раз они с Дядей Хуном принесли по огромной заплечной корзине бамбуковых побегов на брата. За один присест осилить такое количество было явно не под силу, поэтому часть собирались приготовить сразу, а остальные требовалось очистить от шелухи, отварить и высушить впрок. Так у них оставался запас еды вплоть до наступления зимних холодов следующего года.

Звучит просто, но на деле работа предстояла тяжелая — только на одну очистку от шелухи уйдет уйма времени.

Наскоро пообедав, Ли Му отобрал целую куру бамбуковых побегов и вместе с тазом вручил их прямо в руки застывшему с остекленевшим взглядом Чжун Сююаню.

Оставив уток во дворе резвиться на свободе, он собрался еще раз сходить в горы — набрать дикого чеснока и сычуаньского перца.

В детстве Ли Му доводилось отведывать диких зайцев немало. Тогда они тоже жили в деревне, и местные жители очень любили и умели готовить мясо, так что подобного лакомства ему перепало вдоволь. Стоило вспомнить тот вкус, у Ли Му во рту невольно начинали слюнки течь.

Успех этого блюда целиком и полностью зависел от правильных приправ.

Если не брать в расчет, что крольчатина сама по себе обладает прохладной природой, сладковатым вкусом, нежной текстурой и превосходным ароматом — стоит обойтись без подходящих специй, и блюдо можно считать испорченным, переведенным продуктам конец. Но если приправы подобраны идеально, а мясо впитало в себя всю остроту, пряность и насыщенный аромат, то послевкусие от такого угощения можно будет назвать поистине бесконечным.

http://bllate.org/book/26280/3147708